

Не внушено ли это стихами Державина:

Оставля скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе. . .»⁴

Далее Шевырев приводит стилистические параллели из державинского «Водопада» и «Кавказского пленника» Пушкина и других пушкинских произведений. Параллели эти иногда любопытны, иногда сомнительны, Шевырев в своих утверждениях то слишком категоричен, то как будто бы не вполне уверен, делает выводы лишь в форме предположительной. Шевырев как будто бы хочет лишний раз убедить себя в обязательности той высокой оценки, которую он сам дает Державину. Если даже Пушкин видит в поэзии Державина источник живых поэтических ценностей (и Пушкин зрелый, Пушкин в расцвете своей славы), то значит эти ценности существуют воистину: они несомненны и абсолютны.

Державин для Шевырева-поэта — учитель первый и учитель всегда. Показательно в этом отношении одно из ранних стихотворений Шевырева, с которого, собственно, и началась известность его как поэта — стихотворение «Я есмь». Оно написано в 1825 г., восемнадцатилетним юношей, и получило одобрение Баратынского и Пушкина. Зависимость раннего опыта Шевырева от поэзии Державина сказывается и в жанре стихотворения: это особая, «чисто державинская» разновидность оды, без строгой выдержанности, с принципиальным отказом от всякой нормативности. Зависимость проявляется и в близости мотивов, словаря, характера ритма и ритмического движения.

У Шевырева:

Да будет! — был глагол творящий
Средь бездн ничтожества немых,
Из мрака смерти — свет живящий
Отвечствует на глас — и вмиг
Из волн ожившего эфира
Согласные светила мира
По гласу времени летят. . .

Я есмь! — и в сей глагол единый совершенный
Слился нестройный тварей хор. . .

У Державина:

. . . Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,

⁴ Там же, запись под датой 11 ноября 1829 г.